

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ РОССИИ (на примере тюркских народов Волго-Уральского региона)

В статье анализируются факторы становления и специфические особенности региональной культуры народов Волго-Уральского региона как уникального социокультурного феномена, который в течение длительного времени выступал в качестве стабилизирующего фактора существования и взаимодействия этнических культур в составе российской цивилизации. Региональная культура представляется автором как выражение цивилизационной специфики России, ее пограничного характера.

Волго-Уральский регион представляет собой уникальный социокультурный феномен, по разнообразию форм малой традиции не имеющий себе равных ни в России, ни в Европе. Так, на рубеже XIX – XX веков в составе финно-угорских и тюркских народов данного региона зафиксировано 120 этнографических групп и подгрупп, из них 58 – этнотрадиционных, остальные 68 – «новые», сложившиеся в период с XVI по XIX век (см. 1, с. 173-174; 2, с. 152). В течение многих веков этот регион, находящийся в самом центре Евразии, являлся той лабораторией, где осуществлялся синтез различных культурных начал: мировых и языческих религий, православной и исламской традиций, земледельческой и номадической культур, где «смешались два потока мировой истории – восточной и западной» (Н.А. Бердяев). Центральным положением региона обусловлено то обстоятельство, что в нем, как в фокусе, воплотились наиболее яркие черты пограничной цивилизации: полиэтничность, поликонфессиональность, способность вбирать в себя элементы других культур, веротерпимость, способность к культурной адаптации и др. Постоянное взаимодействие и взаимопроникновение культур этого региона, живой хаотический процесс развития этнических культур способствовали выработке общих надэтнических элементов материальной и духовной культуры, формированию региональной культуры, которая в течение многих веков выступала как основа стабильности и межнационального сотрудничества этнических сообществ региона.

Основными факторами формирования надэтнических элементов региональной культуры были, во-первых, общность природно-экологических условий проживания данных народов, обуславливающих характер их адаптации к природной среде и определяющих специфику типа хозяйства, материальных и духовных элементов культуры. Во-вторых, особенности эт-

ногенетических и этнических процессов в данном регионе, общность происхождения, связанного с добулгарским и булгарским этапом этнической истории, обусловившим архаичный субстрат общих черт в культурах народов. Значимым фактором формирования региональной культуры была также общность социально-политического положения данных народов в составе Российской империи. При всем различии условий включения в состав России их социально-политический статус в российском обществе был одинаковым: в допетровский период они входили в разряд казенных крестьян, облагаемых ясаком, с 1724 года – переведены в разряд государственных крестьян.

Формированию надэтнических элементов культуры способствовала также общность социально-экономического положения народов региона, которые вплоть до начала XX века существовали в условиях крестьянской общины, унифицированной по образцу русской передельной общины. У тюркских народов она выполняла те же функции, что и русская община: управленческую, производственную, финансово-податную, судебную, представительскую, функцию социальной защиты, воспитательную, культурную и т. д. (см. 3, т. 1, с. 435-439; 4, с. 421). Отношения в общине регулировались нормами обычного права – своеобразным «моральным кодексом народа», регламентирующим все сферы общественной жизни и основанным на крестьянских представлениях о том, что такое справедливость. Так, предпринятая в 1888 году попытка кодификации норм обычного права на всей территории России выявила их значительное совпадение в различных регионах России, независимо от их исторической и культурной специфики. Причины такого единства были связаны с особенностями традиционной крестьянской культуры, для которой была характерна ориентация на выживание и «моральная экономика», а не экономические принципы эф-

фективности, максимизации прибыли и рационального использования трудовых ресурсов (см. 5; 6, с. 112-144). Крестьянский образ жизни определял принципы общинной солидарности, характерные для большинства народов России. Так обычай помочей, бытовавший у русских, существовал и в татарской, башкирской, чувашской культурах.

Интеграционные процессы в регионе обеспечивались также осознанием общности исторического прошлого и исторической судьбы народов в едином евразийском пространстве: сначала в рамках первой евразийской империи – Тюркского каганата, затем – Улуса Джучи и Казанского ханства и, наконец, начиная с XVI века – в рамках Российской империи – наследницы евразийских империй древности. Известно, что уже в 1410 году татары-мусульмане выступали на стороне русских в Грюнвальдской битве, а башкирские полки принимали участие во всех значимых военных событиях российской истории; чуваша – в составе ополчения Минина и Пожарского во время польской интервенции 1611-1612 годов, в войне 1812 года, в обороне Севастополя 1854-55 годов (см. 7, с. 95; 8, с. 80; 9, с. 44-47; 10, с. 20). Кроме того, все крестьянские восстания, затрагивающие данный регион, особенно Пугачевское, носили полиэтнический характер: в них наряду с русскими участвовали и татары, башкиры, чуваша.

Сближение и взаимопроникновение культур тюркских народов обеспечивалось также географическим положением региона в месте активных миграционных потоков, пересечения торговых путей из Средней Азии в центральные и северные области России. С позиций Р.Г. Кузеева, Волго-Уральский регион в течение многих веков был зоной 9 великих миграций: уральской, индоиранской, гуннской, печенежской, огузской, угро-мадьярской, кипчакской, монголо-татарской и, наконец, восточнославянской (русской), которые в сочетании с местными локальными миграционными потоками сыграли огромную роль в этногенетических и этнокультурных процессах, способствуя формированию надэтнического слоя культуры, кристаллизации этничности, становлению общих черт евразийского менталитета (см. 11, с. 15-27). С другой стороны, эти миграции обусловили необычайное разнообразие малых традиций народов региона. Так, у чувашей, которые в наибольшей степени сохранили черты болгарского этапа в культуре и особенно в языке, ис-

следователи отмечают элементы зороастризма, иудаизма, тенгрианства, ислама, православия, элементы, общие не только с татарской и башкирской, но и с болгарской, венгерской, индийской культурами.

По мере возникновения этнически смешанных деревень, усиления дисперсности населения коренных народов и контактов между ними выработывались не только общие черты и элементы культуры, но и усиливались ассимиляционные процессы. Результатом спонтанных, хаотических процессов самоорганизации этнических культур была не только русификация тюркских народов, но и «отатаривание» башкир, чувашей, мордовского населения (см. 12, с. 80-81; 13, с. 171, 173). Факторами ассимиляции одного этноса другим были их культурная близость, сходство социально-экономических отношений и положения в составе Российского государства, территориальное смешение и др. Немаловажное значение в ассимиляционных процессах играли также степень развитости этнической культуры и наличие в ней традиций государственности. Таким образом, ассимиляционные изменения в культурах данного региона были абсолютно естественным результатом спонтанных процессов этнокультурного развития.

Как своеобразный коррелят региональной культуры на личностном уровне может быть рассмотрен единый этнопсихологический «туранский» тип, о котором писал Н.С. Трубецкой и который характеризовался им следующими чертами: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала; несклонность вдаваться в тонкости и в запутанные детали; любовь к симметрии, ясности и устойчивому равновесию, простоте; стремление к заимствованию готового результата чужого духовного творчества; спокойствие, основанное на «подсознательной философской системе» и придающее нации культурную устойчивость и силу. По отношению к данному типу этнопсихологические черты различных туранских народов представляют собой оттенки или варианты, обусловленные историческими условиями их развития (см. 14, с. 64-69).

Таким образом, нахождение на стыке культур и цивилизаций, в зоне активного межэтнического взаимодействия обуславливало тенденции культурно-этнической интеграции, взаимообогащения и сближения культур без утраты их этнического своеобразия. Этноспецифические черты культур данных народов определялись,

во-первых, различием в уровне их социально-экономического развития. Из всех народов региона только у татар в имперский период были развиты феодальные отношения. Для других было характерно сложное переплетение феодальных отношений с пережитками патриархально-родового строя. Во-вторых, специфика культур определялась образом жизни и типом хозяйства народов региона. Так, татары и чувашаи – народы с древними земледельческими традициями, в то время как башкиры, начиная с XVII века постепенно переходившие к земледелию, сохраняют элементы кочевого образа жизни вплоть до конца XIX века. В-третьих, этноспецифические черты тюркских народов определялись в значительной степени их конфессиональной принадлежностью и степенью включенности в большую традицию мировых религий. Наиболее исламизированной культурой региона была татарская культура; исламизация башкир носила поверхностный характер и усиливалась по мере этнокультурного развития народа. Чувашаи, для культуры которых был характерен языческо-исламский синкретизм, были крещены после вхождения их в состав Российской империи, что обусловило постепенное сближение чувашской культуры с русской.

Кроме того, каждой из культур были присущи свои механизмы защиты этнокультурной специфичности, предохраняющие их от растворения в культурно-гетерогенной среде, в том числе запрет на смешанные браки, нормы экзогамии и эндогамии, выступавшие как своеобразный этнический барьер, способствующий самовоспроизводству этнической культуры и сохранению этнической однородности. Этот запрет на смешанные браки поддерживался исламским духовенством и указами царского правительства (особенно в XVIII веке), разрешающими браки даже между мусульманами только с позволения казанского губернатора.

Существование и воспроизводство культур тюркских народов (как и русского) обеспечивались их стремлением к гомеостазу, гармоничному, уравновешенному и сбалансированному сосуществованию с окружающей природной и социальной средой, выработанными многими поколениями механизмами адаптации к занятой социальной и экологической нише. Самодостаточность традиционного комплекса этнических культур давала возможность определенного ограничения меры открытости культуры, угрожающей ее целостности и стабильности. В

условиях данного единого и целостного комплекса каждый элемент этнической культуры необходимо рассматривать не как случайное, «экзотическое» явление или «пережиток» прежних форм, сохранившихся в культуре, но как естественный продукт спонтанной самоорганизации этнической культуры, имеющий адаптивную функцию, то есть позволяющий этносу решать определенные проблемы своего существования на данном этапе развития.

Ключевым элементом этнической культуры, обеспечивающим процессы самоорганизации этноса, являлась семья, в рамках которой проходила вся жизнедеятельность человека и обеспечивалась важнейшая функция культуры – социализация подрастающего поколения. Для тюркских народов Волго-Уральского региона была характерна, как правило, большая неразделенная многодетная семья, что было обусловлено сложностью земледельческого труда, необходимостью выполнять самые разнообразные функции в условиях натурального и полунатурального хозяйства. Вступление в брак рассматривалось как долг каждого человека, естественная необходимость и священная обязанность, безбрачие – как социальная аномалия, поскольку семья была единственно возможной формой функционирования крестьянского хозяйства, воспроизводства последующих поколений, решения материальных и бытовых проблем. Семья рассматривалась прежде всего как хозяйственный союз, обеспечивающий выживание и самосохранение этноса. Высокий уровень брачности и детности, ранняя брачность были характерны для всех тюркских народов. Также для всех тюркских народов были характерны такие формы брака, как брак по сватовству, брак похищением (умыканием), брак отработкой, калымный брак и т. д.

Даже архаичные формы брака, в большей или меньшей степени сохранившиеся у тюркских народов региона, носили целесообразный характер, поскольку позволяли этносу решать наиболее типичные проблемы своего существования. Например, калым, имевший место у всех тюркских народов, может быть рассмотрен как средство обеспечения имущественной, социальной гомогамии при заключении брака. Сорорат и левират – формы брака, сохранившиеся как пережитки родо-племенных отношений, были средством решения определенных материальных и хозяйственных проблем, а также обеспечения воспитания осиротевших детей.

Устойчивая традиция минората у тюркских народов была своеобразной гарантией обеспеченной старости. Даже такая форма брака, как полигамия, характерная и для исламских народов России, и для многих народов Сибири, но узаконенная исламом, была средством, позволяющим преодолевать существующие в традиционном обществе разрывы между уровнем брачности мужчин и женщин, решать определенные хозяйственные проблемы. Таким образом, все эти «архаичные» формы брака в этнических культурах представляли собой стереотипизированные образцы решения типичных для традиционного сообщества проблем.

Отношения в мусульманской семье регулировались нормами шариата с характерным для него доминированием мужчины – главы семейства и приниженным положением женщины, главной задачей которой было домашнее хозяйство и воспитание детей; с жестким разделением женского и мужского труда и женским «затворничеством». Однако и эти нормы в этнических культурах, например в башкирской, могли существенно модифицироваться, что было обусловлено как более поздней и поверхностной исламизацией башкир, так и несоответствием этих норм образу жизни кочевников. Женщина у кочевых народов занимала более высокое положение, поскольку ей приходилось делить с мужчиной все тяготы сурового кочевого образа жизни. Те же особенности семьи были характерны и для сибирских татар, ведущих кочевой образ жизни, и для русских казаков с их походным бытом (см. 12, с. 75-78; 15, с. 151; 16, с. 163). Для чувашской семьи были также характерны более равноправные отношения между мужчиной и женщиной, отсутствие изоляции женщины от общественной жизни, традиции затворничества, более свободное общение молодежи.

Традиционные представления о смысле семьи как продолжении рода и материально-хозяйственном обеспечении членов сообщества обуславливали и определенную легкость у исламских народов разводов супругов, основанием которых были прежде всего бездетность, отсутствие сына, неспособность мужчины обеспечить свою семью. Так, в башкирском войске в 1864 году разводы составляли 14,1% от числа всех браков (см. 12, с. 72); у татар уровень разводов был также выше, чем у православных (см. 3, т. 1, с. 207).

В отличие от православной общины, в которой существовало определенное недоверие к образованию как оказывающему разлагающее

влияние на молодежь, для исламской общины была характерна высокая ценность образования и учености, что нашло свое отражение в известном изречении: «Чернила ученого столь же достойны уважения, что и кровь мученика» (цит. по 17, с. 221). Каждая махалля имела школы низшей ступени (мектеб), многие – школы высшей ступени (медресе), которые содержались за счет средств общины. Поэтому уровень образованности у татар и башкир в дореволюционную эпоху был заметно выше, чем у русских и чувашей (см. 3, т.2, с. 366), но обучение осуществлялось лишь на национальных языках. Существовало также образование для девочек. Однако содержание и методы образования носили клерикальный, схоластический характер: учебные заведения, которые создавались по типу средневековых, были ориентированы прежде всего на передачу сакральной традиции. На недостатки образования мусульман в конце XIX века указывал просветитель татарского народа И. Гаспринский: «Программа теперешнего татарского медресе – арабский книжный язык, теология и схоластика. Метод преподавания – долбление и зубрежка» (17, с. 219). Таким образом, традиционное образование, как исламское, так и православное, носившее догматический, схоластический характер, мало способствовало развитию личности, мобилизации ее внутренних ресурсов.

Стержнем этнической культуры тюркских народов региона, обеспечивающим психологическую адаптацию этноса к экзистенциальным условиям своего существования, была религия, обусловившая как сходство этнических культур, так и значительное «ветвление», расхождение их этнических традиций. Наличие общего периода этнической истории, связанного с Тюркским каганатом и восходящего к данному периоду общей языческой религии тюрков (тенгрианство), обусловило наличие в различной степени у татар, башкир, чувашей значительного пласта доисламских представлений: образов народной демонологии, обрядов и праздников, связанных с земледельческими традициями булгарского периода. Например, у всех тюркских народов Поволжья сохранился праздник Сабантуй (Акатуй у чувашей) – отголосок культа плодородия, древнего аграрно-магического ритуала, связанного с началом сева яровых и символизирующего свадьбу плуга (мужского начала) с землей (женского начала).

Раннее (X век) и добровольное принятие ислама татарами обусловило их более высокую степень исламизации и стойкость в вере, отмечаемую многими исследователями. У башкир степень исламизированности была невысокой в силу несоответствия требований данной религии менталитету и образу жизни кочевника, поскольку ислам требовал от верующих соблюдения определенных бытовых, обрядовых, гигиенических и пр. предписаний, исполнение которых было невозможно в условиях кочевого образа жизни (см. 18, с. 85-91). Специфика образа жизни башкир в имперский период обусловила значительное влияние на их этническую культуру суфийских идей и представлений, с точки зрения которых главное – не внешнее преклонение, а внутреннее просветление, что больше соответствовало кочевому образу жизни. Большое влияние на распространение суфизма в форме ишанизма оказало также его сходство с традиционными представлениями древних тюрок, в основе которых была идея единства мира. У чувашей, которые с середины XVIII века были крещены насильственным путем, элементы языческих верований сохранялись вплоть до середины XIX века.

И в чувашской, и в исламской культурах религия существовала в форме малой традиции, «народной религии», то есть в форме неcodифицированных религиозных верований, представлений и практики людей, синкретического соединения языческих, православных (или исламских) норм и представлений, позволяющих удовлетворять самые разнообразные потребности народной массы и выполнять самые разные функции. Языческая религия, характеризующаяся интимно-проникновенной связью человека с природой, магически-ритуальным единством жизни человека со всей окружающей его средой, более соответствовала представлениям о мире, человеке и природе, характерным для земледельческих культур. Ислам же как более рационалистическая и «практическая религия», требующая от человека обязательного и точного выполнения всех норм шариата, регулировал внешнюю сторону жизни верующих: семейно-брачные, межличностные, общественные отношения, морально-этическую и правовую сферу жизни – и таким образом обеспечивал социальное единство мусульманской общины. Суфизм, который получил достаточно широкое распространение у татар и башкир в XVI – XVIII веках, регулировал внутреннюю сторону жизни

верующих, был «религией сердца», значение которой особенно усиливалось в периоды нестабильности и внешней опасности. Таким образом, различные элементы народной религии дополняли друг друга, находясь в отношениях комплементарности, что обуславливало, с одной стороны, универсальность народной религии, ее способность регулировать различные стороны жизни народных масс и отвечать самым разнообразным потребностям, с другой – ее либерализм, терпимость к различиям, инакомыслию, местным языческим обычаям, менее строгое отношение к верующим. Именно религиозный синкретизм, присущий всякой народной религии, обеспечивал, на наш взгляд, достаточно высокую степень межконфессионального согласия исламских и православных народов региона.

Распространению и утверждению народного ислама у тюркских народов Волго-Уральского региона способствовала как гибкость и адаптивность самого ислама, допускающего различные точки зрения и характеризуемого как «застывший плюрализм», его способность приспосабливаться к местным условиям, поликультурным процессам и потребностям государства, так и определенная изолированность данных народов от мусульманского мира, от большой традиции канонического ислама. Носителями «книжного ислама» – систематического, codифицированного религиозного знания в этнических культурах тюркских народов России была очень незначительная прослойка феодалской аристократии, высшего духовенства и интеллектуальной элиты, которая все более растворялась в российском обществе. Немаловажное значение для культурной трансформации ислама имело и то обстоятельство, что через Среднюю Азию в Волго-Уральский регион проник ислам ханафитского мазхаба, который отличался от других толков большей степенью толерантности и либеральности по отношению к другим конфессиям, к нововведениям (бида) в религиозной догматике.

Конфессиональная принадлежность народа в значительной степени определяла модификацию типа личности, названного Н.С. Трубецким «туранским типом». Так, языческая культура чувашей формировала личность с характерными для нее любовью к земле и земледельческому труду, добродушием и стремлением не выделяться из окружения. Ислам же способствовал формированию психологического склада «мусульманской

личности», которая характеризуется как «очень активная личность, готовая к борьбе за справедливость и утверждение этой справедливости силой, менее склонная к «самокопанию», поискам глубинных мотивов своих поступков, тайных грехов, чем христианская, и одновременно более устойчивая, с более четкими и ясными нравственными ориентирами, погруженная в стабильный и устойчивый быт, если так можно сказать, – менее «невротичная». Даже такие ритуалы, как намаз с его регламентированным временем, движениями и словами, создавали определенную внутреннюю самодисциплину и стабильность. Бурному, активному, но внутренне стабильному и самодисциплинированному обществу соответствует такая же активная, даже страстная, но одновременно очень упорядоченная и самодисциплинированная личность» (19, с.15).

История межэтнического взаимодействия тюркских народов Волго-Уральского региона не знала сколь-нибудь серьезных, зафиксированных в письменной истории этнических конфликтов, имеющих конфессиональную основу или этническую неприязнь. Как правило, все конфликты, возникавшие в данном регионе, были направлены против государственной политики и были связаны либо с попытками насильственной христианизации тюркских народов, либо с экономическими проблемами, возникающими по мере модернизации российского общества. Относительная бесконфликтность и веротерпимость межэтнического взаимодействия исламских и православных народов региона обеспечивалась также сходством базовых представлений, ценностей, норм, характерных для данных культур:

– подчинение деятельности человека высшим, абсолютным ценностям, имеющим самодовлеющий характер;

– представление об ответственности личности перед общиной, обществом, государством, коллективистские установки и принципы, коммунарные связи и тип мышления;

– ориентация на справедливое распределение общественного богатства, на социальную защиту неимущих;

– отношение к труду как средству удовлетворения насущных потребностей человека, подчиненному высшим целям; неприязнательность в быту;

– представление о земле как общем достоянии народа, не могущим быть объектом купли-продажи, негативное отношение к частной собственности на землю;

– негативное отношение к конкуренции, соперничеству, а также к ростовщичеству как к греху, стремлению нажать на чужой беде;

– видение смысла жизни человека не в накоплении богатства, а в честной и праведной жизни в соответствии с религиозными нормами как условие спасения и уважения в среде односельчан;

– уважительное отношение к государственной власти, связанное с представлениями о власти как данной Богом (Аллахом) и требующей повиновения;

– уважительное отношение к обычаям, традициям, верованиям других народов, признание их права на «инаковость» как основа межкультурного согласия;

– большая роль семейно-родственных связей, уважение к старшим и почитание родителей, традиции гостеприимства и хлебосольства и др.

Механизмом, обеспечивающим адаптацию этнического сообщества к социально-политическим условиям существования в составе Российской империи, была самоидентификация, которая в условиях традиционного (закрытого) общества осуществлялась в формах общинно-коммунальных, территориальных, сословно-корпоративных, конфессиональных, но не в этнических. «У национальной идентичности не было почвы: государство рассматривало их с точки зрения их сословной принадлежности, церковь относилась к пастве по принадлежности конфессиональной, а вот национальная (этническая) принадлежность не интересовала никого, кроме отдельных ученых... Все права и/или обязанности связывались не с этнической, а с сословной принадлежностью, поэтому сословие было в этом мире чем-то более осязаемым, чем этнос или нация», – пишет по данному поводу А.В. Шипилов (20, с. 96). Даже для такого развитого этноса, как русский, роль основного маркера самоидентификации выполнял религиозный и территориально-региональный фактор – осознание себя, во-первых, как православных, во-вторых, как суздальцев, нижегородцев, новгородцев и т. д. Для татар вплоть до конца XIX века была характерна конфессиональная самоидентификация (мусульмане). Особенно размыта и подвижна была самоидентичность у башкир-кочевников: механизмом, обеспечивающим психологическую адаптацию этноса, являлась конфессиональная и родо-племенная идентификация. Осознание принадлежности к единому государству и отношения к государственной власти способствовало также становлению сословно-

инородческой идентичности, осознание себя как «верноподданных» Российской империи. Таким образом, для народов Волго-Уральского региона была характерна присущая империям многослойная, иерархическая идентичность, в которой этническая самоидентификация была выражена достаточно слабо, поглощаясь другими формами самоидентификации. Данное обстоятельство, на наш взгляд, также может быть рассмотрено как определенный стабилизирующий фактор существования и взаимодействия этнических культур в составе Российской империи.

Таким образом, в российской культуре доимперского и имперского периода существовали достаточно эффективные, веками отработанные механизмы обеспечения социального порядка и межкультурного взаимодействия. Особую интенсивность приобретают межэтнические контакты тюркских и русского народов по мере модернизации российского общества. Развитие промышленности, товарно-денежных отношений, коммуникаций преодолевает замкнутость локальных культурных миров, разрушает единство и целостность всего комплекса этнической культуры, ее гомогенность и устойчивость, превращая ее в гетерогенную, неустойчивую по отношению к внешним флуктуациям динамическую систему. Эти процессы охватывают прежде всего культуру Волго-Уральского региона, находящиеся в непосредственном соседстве с русской культурой – катализатором инновационных процессов в российском социокультурном пространстве. Способ «втягивания» народов в модернизационные процессы в российской культуре был детерминирован специфическими особенностями этнических культур, их культурно-историческим наследием, сложившимися традициями и присущими каждой из культур специфическими механизмами самоорганизации и адаптации к изменениям во внешней среде. Если для татар-горожан средством «втягивания» в модернизационные процессы становилась торгово-посредническая деятельность, для чувашских и татарских крестьян – отхожие промыслы, значение которых усиливалось по мере развития капиталистических отношений и социального расслоения; то для башкир – переход в конце XVIII века на кантонное управление, которое способствовало развитию связей и контактов башкир с русским народом, взаимообогащению и сближению культур и консолидации самого народа. На более поздних этапах модернизации социальными технологиями, обеспечивающими

определенную гомогенизацию социокультурного пространства, становятся система образования, светская профессиональная культура, русский язык и русская культура, средства массовой информации.

По мере модернизации российского общества происходит определенная синхронизация развития этнонациональных культур, которая находит свое выражение во *фрактальном подобии* тех явлений и процессов, которые стали следствием модернизационных преобразований. Впервые, это процессы, связанные с возникновением и становлением профессиональной национальной интеллигенции, деятельность которой, с одной стороны, ведет к развитию и усложнению культур, появлению новых культурных форм. С другой – интеллигенция как носитель «нарративных стратегий» (С. Бенхабиб), производящая знаки и символы коллективной идентичности, посредством которых народ осознает себя как единое, специфическое целое, способствует институционализации этнокультурных сообществ, что создает условия для становления и развития национально-этнической самоидентификации, возникновения идей национально-культурной и территориальной автономии, национализма и сепаратизма, дестабилизирующих полиэтническое российское общество. Так, например, уже в начале XX века народы Поволжья, которые прежде назывались просто мусульманами или православными, идентифицируют себя как татаро-башкиры, башкиры, татары, чувашаи и т. п. В начале XX века у исламских народов возникают политические партии и движения, выдвигающие идеи политического реформаторства, мусульманский либерализм, отстаивающий необходимость «европеизации» всех сфер жизни общества и государства – идеи, близкие программным положениям партии кадетов (см. 21, с. 102-113).

Проникновение в этнические культуры через посредничество русской культуры европейских идей, западных теорий эволюции и идеалов общественного развития активизирует интеллектуальную рефлексию социокультурной динамики, ставит элиту перед необходимостью самоопределения не только в отношении России, но и в отношении Запада и Востока, что порождает раскол в среде национальной интеллигенции: противостояние «традиционалистов» и «модернистов», «кадимистов» и «джадидистов» в этнических культурах возникает как аналог противостояния «западников» и «славянофилов» в русской культуре.

Практически одновременно возникают в православной и исламских культурах идеи религиозного реформаторства, которые достигают своего высшего развития в конце XIX – начале XX века. В русской культуре кризис православной церкви и секуляризация сознания порождает в среде высшего духовенства идеи реформирования православной церкви, движение «обновленцев», а также феномен «нового религиозного сознания», связанный с именами Д. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В. Розанова, Н. Минского, Н. Бердяева. В исламских культурах России – это идеи религиозного реформаторства А. Курсави, Ш. Марджани, а затем И. Гаспринского, М. Уметбаева, Р. Фахретдинова и др., которые оказали огромное влияние на развитие этнонациональных культур.

Определенный изоморфизм обнаруживают и те особенности этнокультурного развития тюркских народов, которые стали следствием насильственной модернизации российской культуры. Это, во-первых, социокультурный раскол как на социальном, так и на индивидуальном уровнях, возникновение и сосуществование двух образов жизни и типов поведения. На уровне повседневной жизни – устойчивая приверженность своим национальным традициям, обычаям, развитие народной морали, культуры, педагогики; на уровне делового официального общения – развитие инди-

видуализма, усиление социальной мобильности, активности. Во-вторых, это поверхностный характер приобщения к западной (русской) культуре многих мусульман, которые, приобретая «внешний лоск европеизма без солидной научной подкладки» (17, с. 219), теряют хорошие качества своего народа и усваивают дурные качества другого. В-третьих, определенная маргинализация этнонациональных культур, постепенное вытеснение традиционных элементов культуры: языка, религиозных верований и представлений, обычаев и обрядов – на периферию социокультурного пространства.

Таким образом, в течение всего имперского периода осуществляется постепенная синхронизация процессов в различных этнонациональных культурах, усиление надэтнических элементов культур. Однако наибольшей интенсивности эти процессы достигают в советский период, когда формируется единое экономическое, информационное, образовательное, культурное, идеологическое пространство; создается единая сеть научных, художественных, образовательных центров; формируется наднациональная идентичность, единый образ жизни, ценностно-смысловые регулятивы деятельности, что обуславливает интенсификацию обменных процессов в культурах и усиление гомогенности российской культуры.

Список использованной литературы:

1. Мухамедьяров Ш.Ф. Россия и народы Поволжья: проблемы культурного взаимодействия // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. – М., 1994.
2. Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. – М., 1999.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). В 2-х т. – СПб., 2000.
4. Татары. – М., 2001.
5. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность, 2003, №1.
6. Денисова Н.П. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. – Чебоксары, 1986.
7. Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // Общественные науки и современность, 1996, №2.
8. Этнокультурная мозаика Оренбуржья. – Оренбург, 2003.
9. Чуваши: этническая история и традиционная культура. – М., 2000.
10. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. – Чебоксары, 1985.
11. Кузеев Р. Народы Башкортостана: история, современность, взгляд в будущее // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002.
12. Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в. – Уфа, 1989.
13. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. – М., 1958.
14. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993.
15. Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск, 1987.
16. Иваницкий В. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность, 1995, №3.
17. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Дружба народов, 1991, №12.
18. Шакурова Ф. Менталитет кочевника и ислам // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. – М., 1998.
19. Колесова Л.А. Ислам и характерные черты средневекового мусульманского общества // Ислам и общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1993, №2.
20. Шипилов А.В. Сословное как «антинациональное»: общество и культура России первой половины XVIII в. // Общественные науки и современность, 2005, №2.
21. Ямаева Л. К вопросу об истоках мусульманского либерализма в России начала XX в. и источниках по его изучению (в связи с публикацией документов мусульманской фракции Государственной Думы России 1906-1907 гг.) // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. – М., 1998.